

Не может быть звезд рядом с нищетой

Все чаще вижу свою любимую Светлану КРЮЧКОВУ в плохих фильмах и все реже в хороших. На сцену БДТ, носящего теперь имя пригласившего ее когда-то в театр Георгия Александровича Товстоногова, она почти и не выходит вовсе. А выходит на иные, куда более скромные сцены с простеньким, но щемящим концертным номером — монологом из старого спектакля, песней из старого фильма. «Мы выбираем, нас выбирают — как это часто не совпадает», — слова песенки вполне подходят и к актерской судьбе, в которой, впрочем, сам актер почти лишен права выбора.

— Выбирают нас. Только нас. И мы соглашаемся — у всех семьи, дети, мы готовы на любую роль. У нас нет другого выхода.

— Не раз видел во время ваших коротких концертных выступлений слезы на глазах у людей, которых в чрезмерной сентиментальности не заподозришь. Представляю себе, как много вы сегодня можете, если даже за десять минут добываетесь без всякого антуража, без декораций и партнеров поразительного эмоционального воздействия на зрителей. Но — «нас выбирают» или, точнее сказать, не выбирают...

— В последнее время я играю в кино исключительно идиоток. Дебилы играю. Наши режиссеры отталкиваются от фактуры актера, видят в нас только типажи. Мыслят они достаточно примитивно: если ты круглая, значит, глупая. И оттого я чудовищно устаю. Хотя не теряю надежды уйти от фактуры, от этой округлости. Отсюда, от внутренней нереализованности, и эти мои концертные выступления. У каждого актера бывают периоды накопления и периоды отдачи. Между ними полоса пустоты — это когда он все отдал и должно начаться новое накопление. У меня этой пустоты нет, у меня нереализованное накопление.

— В последнее время особенно заметной и чрезмерной стала «мужествен-

ность» нашего кинематографа. В том смысле, что очень много хороших ролей, написанных для актеров-мужчин, и очень мало — для актрис. Почему так?

— Меня это тоже занимает, и не последнее время, а всю жизнь. Как-то мы ехали с Ильей Александровичем Авербахом в Москву в «Красной стреле». Было это совсем незадолго до его смерти. Вагон попался какой-то шумный — все раскачивалось, стучало, спать было совершенно невозможно. Авербах ехал в купе один, мы всю ночь пили с ним чай, он рассказывал о «Белой гвардии», которую собирался ставить. Он знал меня с самой первой моей роли в БДТ, с 1976 года. И вдруг задал такой вопрос: «Светлана, вы такая потрясающая актриса. Почему Товстоногов не поставит на вас спектакль?» Меня так и подмывало спросить: «Илья Александрович, почему вы-то на меня фильм не поставите?» Не спросила, что-то удержало. Роберт Стурра рассказывал в одном из интервью, что когда он только собирался стать режиссером, у него было примерно 10 пьес, которые он хотел за свою жизнь поставить. Но потом он пришел в театр, и обнаружилось, что там есть замечательные актеры. И тогда Стурра скорректировал свои планы — он ставил и ставит спектакли на тех людей, которых имеет.

— В случае со Стурра его желания во многом совпали с желаниями его актеров...

— А у нас в театрах чаще всего берут пьесу и уж потом ищут под нее актеров. Приглашают мальчиков и девочек со стороны, иногда не слишком талантливых. А свои актеры стареют, умирают, и тогда мы начинаем рвать на себе волосы: «Ах, кого мы потеряли!» То же самое и в кино. Ну, кто у нас пишет сценарии на актеров? Потому и играю всех этих дур. После «Царской охоты» серьезной работы в кино у меня не было. Слава богу,

Фотограф Валерий ПЛОТНИКОВ (агентство «ВМЕСТЕ»)

сейчас она появилась: режиссер Игорь Минаев, живущий во Франции, экранизирует рассказ Евгения Замятина «Наводнение». Интереснейшая работа, замечательные партнеры! Но и тут парадокс: картина снимается на французские деньги, озвучивают ее во Франции французские актеры, а на русский будут дублировать не Наталья Егорова, Андрей Толубеев, Борис Невзоров и я, а совершенно неизвестные люди, которым можно заплатить поменьше. Так что не удивляйтесь, если в новой картине знакомые вам артисты заговорят не своими голосами.

— А что вы играете сейчас в театре?
— У меня осталось всего две старые роли. Во-первых, Мамаева в «На всякого мудреца довольно про-

слит. газ. - 1993 - 9 июня (№ 23) - с. 8.

КАК ЖИВЕШЬ, АКТЕР?

БДТ, меня в своих постановках не видят.

— Резо Чхеидзе ставит сейчас в БДТ спектакль за спектаклем...

— Что делать, он не берет меня в свои спектакли. Возможно, я фактурно не подхожу к каким-то ролям. Хотя театр все-таки не кино, где пластический образ имеет решающее значение. В театре я знаю свою силу, знаю, что могу многое. И считаю себя вправе претендовать на главную роль в спектакле, специально поставленном для меня.

— Нормально ли, что существует репертуарная труппа, в которой полтора-два десятка звезд, где хотя бы раз в 2-3 года не ставится спектакль на каждую из них?

— На кого-то из актеров ставят, но я в их число не вхожу. Пока был жив Товстоногов, он ухитрился брать большие спектакли и занимать там сразу многих звезд. Он специально искал такие пьесы. А сейчас ставят далеко не на самых талантливых и известных. Результат — публика стала хуже ходить в БДТ, да и служащие театра от сцены отворачиваются, а это ведь самый верный показатель неблагополучия. Рабочие, осветители, радисты при любой возможности выходят из зала, лишь бы не смотреть на сцену.

— Если не секрет, дает ли театр хоть какие-то гарантии материальной обеспеченности?

— Вовсе не секрет. В прошлом году я брала отпуск по уходу за ребенком, и мне платили аж 884 рубля.

— Автоматически снимается вопрос о выборе. С такими доходами актеру остается соглашаться на любые предложения в кино, да еще благодарить за них.

— В кино редко предлагают что-то значительное, актерски интересное. Практикуется внешний подход, фактурный.

— Так возможно ли сегодня в нашей стране такое понятие как актер-звезда?

— Не может быть звезд рядом с нищетой. Надевать на себя блески, есть икру, когда рядом нищета? Когда каждый день видишь лица голодных людей?

— Может быть, им, этим голодным людям, будет легче, если звезды останутся с ними?

— Тогда звезды должны существовать отдельно, быть звездами до конца. Так, чтобы никто не видел, как они едят, пьют, ходят. Чтобы были совсем уж ирреальными. Пока же мы живем рядышком, дверь в дверь, на одной лестничной площадке, и ничего, кроме раздражения, материальное благополучие соседа не вызывает. Да

честно говоря, и нет его — этого благополучия. Нам приходится зарабатывать деньги, чтобы выжить.

— Ну, к какой-то, пусть небольшой части ваших коллег благополучие пришло.

— Я рада за них. Но, как правило, это единичные случаи. Это обычно люди с устоявшимися семьями, повзрослевшими детьми. Им не надо все начинать с нуля.

— Как вы относитесь к слезам, которые я так часто видел на глазах у зрителей в минуты ваших концертных выступлений? Действительно ли они последнее утешение и спасение от всех наших бед и напастей?

— Видимо, да. Еще в прежние времена, когда со сцены страшилось говорить на эти темы, я всегда удерживала, что мы в конце концов непременно вернемся к вечным библейским ценностям. И сегодня мы так нахамили друг другу, наделали столько глупостей — мы попросту находимся на грани жизни и смерти. Может быть, слезы всей страны над страданиями бедной Марианны — это хорошо? Может, проплачемся и друг к другу станем относиться чуточку иначе?

— Слезы и трезвый расчет. Сочетаются ли эмоциональные переживания с модным сегодня рациональным стилем жизни?

— Мне всегда был чужд трезвый расчет. Это не заслуга моя и не недостаток — просто данность. Птица не может стать рыбой, зверь — птицей. Каждый рожден для чего-то своего. Может быть, еще и поэтому не выношу разговоров типа: а вот на Западе актеры обязательно имеют свое дело... Во первых, не обязательно: актер там может и не иметь деловой жизни, вкладывать заработанные деньги и получать проценты. А во-вторых, у нас в стране наблюдаю такую закономерность: чем более деловит актер, тем он хуже как профессионал. И когда мне приводят в пример кого-то из коллег, имеющих свою фирму, я всегда спрашиваю: есть ли среди них хоть один выдающийся талант? Нет таковых. Просто это заложено в русской душе (говорю «русской», имея в виду не национальность, а принадлежность к этой земле): творить и заниматься бизнесом — две вещи несовместные.

— К сожалению.

— Может быть, и к сожалению. Было бы иначе — легче было бы нам жить...

Беседу вел
А. КОЛБОВСКИЙ